

менялись особые термины. Поэтому в древнеармянском языке пленного называли иранским словом «гери» (буквально: «взятый», «захваченный»), а состояние, в котором он пребывал, выражалось через производное от него «геруѳюн». Кстати говоря, и сам К. Н. Юзбашян в подавляющем большинстве случаев именно так и передает эти термины. Следовало бы подобным образом поступать всегда, и тогда исследователь, пользующийся данным переводом и не знакомый с армянским языком, получил бы возможность полноценно использовать перевод во всем объеме источника.

Наличие упомянутых недостатков, конечно, несколько снижает качество работы К. Н. Юзбашяна, однако нельзя не признать, что издание это в целом заслуживает высокой оценки и с благодарностью встречено специалистами и читателями.

А. П. Новосельцев

Э. Д. ФРОЛОВА. РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ

(ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.). Л., 1967, 144 стр.

(«Ленинградский ордена Ленина гос. университет им. А. А. Жданова. Очерки по античной историографии». Под ред. К. М. Колобовой и Э. Д. Фролова. Вып. 1)

Книга Э. Д. Фролова состоит из предисловия и трех глав, каждая из которых включает 3—4 параграфа; в конце помещен указатель имен и названий важнейших сочинений, упомянутых автором.

В предисловии автор говорит о задачах книги, подчеркивая, что «изложение историографии античности невозможно без широкого выхода за пределы истории собственно исторической науки, именно, с одной стороны, без учета того, как развивались иные антиковедческие дисциплины — филология, археология, эпиграфика, история искусства, а с другой — вне связи с историей европейской культуры и просвещения» (стр. 6). Далее (стр. 8) перечислены важнейшие труды по отечественной историографии, использованные Э. Д. Фроловым, а также справедливо отмечены важность и высокие достоинства книги советского исследователя А. Н. Егунова («Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков». М., 1964).

Первая глава носит название «Русское общество и античность в средневековый период (XI—XVII века)». В ней говорится об исконных древних связях русской национальной культуры с античной культурой, связях, которые осуществлялись благодаря греческим поселениям на Черноморском побережье, в Крыму, а также, несколько позднее, благодаря постоянному общению Руси с Византийской империей; второй параграф главы посвящен переводам с греческого языка, памятникам византийской хронографии, житийной и патристической литературе, сборникам изречений («Пчелы»), светским переводным повестям («Александрия», «Троянская история» и др.); значительное внимание уделено древнерусским хронографам, в которых, как известно, события античного периода излагаются по произведениям византийской хронографии.

В третьем параграфе дается характеристика «роста знаний об античном мире в Московском государстве XVI—XVII веков», причем подчеркивается увеличение количества переводов с западноевропейских языков (латинского, польского, немецкого). Автор отмечает исторические познания Ивана Грозного, приводит примеры из его сочинений, где упоминаются события античной истории¹.

Вопрос об источниках, из которых были почерпнуты Грозным сведения по античной истории, связан с вопросом о библиотеке московских государей в XVI в. В книге Э. Д. Фролова по этому поводу сказано следующее: «В XVI в. библиотека московских государей стала одним из крупнейших книжных собраний в мире. Помимо рукописей и печатных книг русского, польского и западноевропейского происхождения, в ней имелись списки со старинных греческих оригиналов, которыми живо интересовались гуманисты Польши и Германии»². Это утверждение мне кажется несколько категоричным: вопрос о существовании библиотеки московских государей, богатой рукописями на разных языках, еще нельзя считать достаточно и всесторонне изученным.

Как известно, против существования этой библиотеки наиболее решительно возражал С. А. Белокуров, тщательно исследовавший свидетельство о ней, содержащееся в «Сказании о преподобном Максиме философе, иже бысть инок святыя горы Афонския преславныя обители Ватопедския, иже zde и пострада довольна лета за истину»³.

Второе свидетельство о царской библиотеке, принадлежащее самому Максиму, в книге Белокурова только указано, но не разобрано⁴; свидетельство это включено

¹ Существует специальная статья на тему об исторических познаниях Грозного: И. Дуйчев. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного. — ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 159—176.

² Стр. 28 и прим. 38.

³ С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, стр. 193—245; приложение, стр. XXXIII.

⁴ Там же, стр. 200. На это свидетельство обратила мое внимание Л. С. Ковтун, за что я весьма ей признательна.

Максимом в его «Послание к великому князю Василию Ивановичу» и гласит следующее: «Сие воистину воздвиже твою державу к превознесению толкований псалмов, по многи лета в книгохранилище заключеных бывших и модем единым в адъ предажавшии чловеком же никою пользу подавшии».

Я, со своей стороны, думаю, что вопрос о существовании этой библиотеки не может быть рассмотрен без привлечения свидетельств самих рукописей, без более глубокого, чем в настоящее время, изучения тех следов, которые греческие рукописи оставили в русских рукописях; при этом надо собрать как рукописи, в которых встречается подражание греческому письму, так и пометы на рукописях, свидетельствующие о том, что перед глазами писца был греческий оригинал текста.

В третьем параграфе в нескольких словах сказано о греческих рукописях, привезенных из афонских монастырей Арсением Сухановым. К сожалению, в дальнейшем автор не говорит о составленных в течение рассматриваемого им периода описях этого собрания; работа над собранием греческих рукописей, несомненно, должна быть учтена при изложении истории русского антиковедения. Если первые описи этих рукописей служили только для их охраны и учета⁵, то печатный каталог Афанасия Скиады⁶ (жил в первой половине XVIII в.), а тем более описи Христиана Фридриха Маттеи (1744—1811)⁷ относятся к числу каталогов, построенных на научных основаниях.

Кстати сказать, деятельность этих двух эллинистов связана с историей классического образования в России XVIII в.: Афанасий Скиада был учителем греческого языка в типографском училище в Москве, а Маттеи был приглашен в Московский университет для обучения юношества и для описания рукописей.

Автор (стр. 49, 69, 73, 81) лишь бегло упоминает о Славяно-Греко-Латинской академии, открытой в Москве в 1687 г., и начинает историю преподавания классических языков с деятельности профессоров Академии наук и Московского университета (стр. 78 сл.).

Однако именно в Славяно-Греко-Латинской академии преподавателями Иоанничем и Софронием Лихудами⁸ в 1687 г. была подготовлена первая грамматика греческого языка для русских; интересно отметить, что при составлении этого учебного пособия Лихуды использовали грамматику византийского филолога Константина Ласкариса (1454—1501), положившего в основу своего руководства труды грамматика VII в. Георгия Хировоска; таким образом, первая грамматика греческого языка для русских построена в традициях византийской и эллинистической филологии⁹.

Отметить, что обучение древним языкам в России началось именно в духовных академиях и семинариях, было бы тем более важно, что знание классических языков уже в первой половине XIX в. дало возможность русским филологам и археографам приступить к исследованию памятников переводной литературы, начать собирание материалов по изучению рукописной традиции произведений раннехристианских (позднеантичных) авторов в древнерусских переводах. Первым и прекрасным примером такого исследования служит описание рукописей Синодальной библиотеки, авторы которого тщательно рассматривали переводные тексты, сопоставляя их с подлинниками¹⁰.

⁵ В. Ундольский. Опись книгам, взятым в Патриаршую Ризную казну, составленная в 1675 г. монахом Евфимием и иеродиаконом Иакинфом. — «Чтения ОИДР», 1847, № 5, IV. Смесь, стр. 1—20. О греческих рукописях этого собрания см. также: М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, стр. 26—30.

⁶ Ath. Schiada. Catalogi duo codicum manuscriptorum qui in Bibliothecae Synodali Mosquensi asservantur. Mosquae, 1723. Каталог Скиады был известен М. В. Ломоносову (см. Г. Н. Моисеева. Экземпляр «Камерного каталога», принадлежавший Ломоносову. — В кн.: «Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР», т. VII, 1963, стр. 109—116).

⁷ Chr.-Fr. Matthaei. Index codicum graecorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Ecclesiae orthodoxae graeco-rossicae. St.-Pb., 1780; *idem*. Accurata codicum graecorum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio, 1—2. Lipsiae, 1805.

⁸ См. о них: С. Смирнов. История Московской Славяно-Греко-Латинской Академии. М., 1855, стр. 18—85; М. Сменцовский. Братья Лихуды. СПб. 1899.

⁹ Constantinos Lascaris. Grammaticae compendium. Venetiae, 1557 (есть и другие издания). О Ласкарисе см. К. 'Ι. Γλαυκώπουλος. 'Ελληνες λόγοι εις την Βενετίαν. 'Αθήναι, 1965, страницы — по указателю (английское издание этой книги — Cambridge, Mass., 1962); E. Legrand. Bibliographie hellénique au description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des grecs au XV-e et XVI-e siècles, t. I. Paris, 1885, p. LXXI—LXXXVII.

¹⁰ См. А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки, т. I—VI. М., 1855—1917. См. также И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 632—642 («Энциклопедия славянской филологии», вып. 1).

Обзор русского антиковедения XI—XVII вв. заканчивается характеристикой компилятивных исторических трудов XVII в., как, например, «Скифская история» Андрея Лызлова и «Василиологион» Николая Спафария.

Во второй главе, касающейся XVIII в., Э. Д. Фролов уделил большое внимание античной истории в Академии наук, Г. Э. Байеру и Антиоху Кантемиру, «деятельность которых является исходным пунктом в истории русского антиковедения»; впрочем, деятельность эта не была одинаковой: Байер являлся ученым, а Кантемир занимался переводами классических авторов.

В книге подчеркивается, что для России XVIII в. античность была «универсальной питательной средой, за счет которой происходило формирование общественного сознания», прослеживается влияние античности в поэзии, драматургии и в других литературных жанрах, а также в архитектуре, живописи и скульптуре (стр. 85—88)¹¹.

Последняя глава посвящена русской науке об античности в первой половине XIX в., когда происходило «окончательное оформление русского антиковедения в науку» (стр. 89). Процесс этот рассматривается в книге Фролова на фоне «особой общественной атмосферы, пронизанной высокими гражданскими стремлениями и героическими настроениями» (стр. 89), на фоне новых явлений в разных областях русской культуры; как и в отношении XVIII в., здесь много места уделено русским переводам античных авторов.

Во втором параграфе заключительной главы говорится об археологических изысканиях в Северном Причерноморье, которые «доставили исследователям классической древности новый обширный материал» (стр. 89).

Э. Д. Фролов характеризует наиболее значительные находки, отмечает недостатки в археологических работах рассматриваемого периода, называет важнейшие археологические издания, публикации надписей.

Два последних параграфа книги посвящены русской науке об античности в собственном смысле этого слова, а именно — академической кафедре классической филологии и антиковедению в русских университетах — в Москве, Дерпте, Харькове, Казани, Петербурге, Киеве; показана преемственность в изучении античной истории, охарактеризованы наиболее видные профессора, деятельность которых способствовала развитию науки об античности в России, — Грефе, Куторга и др.

Книга Э. Д. Фролова представляет собой первое систематическое обозрение истории русского антиковедения. Изложение в ней доведено до середины XIX в., что вполне оправдано, так как именно с этого времени «русская наука об античности стала фактом»; «обязанное своим возникновением общему культурному движению отечественное антиковедение стало теперь самостоятельной отраслью знания, самостоятельной наукой, дифференцированной на ряд специальных дисциплин» (стр. 139).

Сделанные выше замечания никоим образом не должны служить поводом для упреков в адрес рецензируемого интересного сочинения, содержащего ценные историографические сведения и написанного с новым, своеобразным подходом к предмету.

Наши дополнения потребовались не только потому, что книга посвящена мало-разработанной теме, которую автор старался осветить всесторонне. В начале книги автор выразил намерение не ограничиваться только историческими сочинениями, а «указать на некоторые факты хотя бы для того только, чтобы проиллюстрировать то простое и очевидное положение, что русская наука об античности, возникновение которой относится к XVIII в., строилась не на пустом месте и не была лишь побочным продуктом заимствований с Запада, но опиралась на богатое наследие, исподволь накопленное русской литературой на протяжении столетий» (стр. 5). Поэтому автор обратился к разным областям русской культурной истории. Такой широкий охват темы и открывает возможности для дополнений, хотя представляется мне обоснованным и правильным¹².

Э. Д. Фролов посвятил свой труд памяти Сергея Ивановича Ковалева — «зачинателя историографических занятий на кафедре античной истории Ленинградского университета». Эта небольшая книга служит доказательством, что кафедра продолжает серьезную работу по названной теме, и можно надеяться, что в скором времени появятся и остальные три выпуска, о которых говорится в начале предисловия.

Е. Э. Гранстрем

¹¹ О значении античности здесь сказано неосторожно — формирование общественного сознания в русском обществе происходило под влиянием разнообразных факторов; неудачное выражение — несомненно, результат увлеченности автора любимым делом.

¹² Уже после выхода в свет книги Э. Д. Фролова была напечатана статья: *И. М. Тронский*. Лингвистическое изучение древнегреческого языка в России (до 1917 г.). — *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. Т. XV, fasc. 1—4. Budapest, 1967, p. 1—26. Статья эта невелика и содержит сведения общего порядка, а дальнейшего периода почти не касается.